

Олег КУЗНЕЦОВ, кандидат исторических наук (Москва)

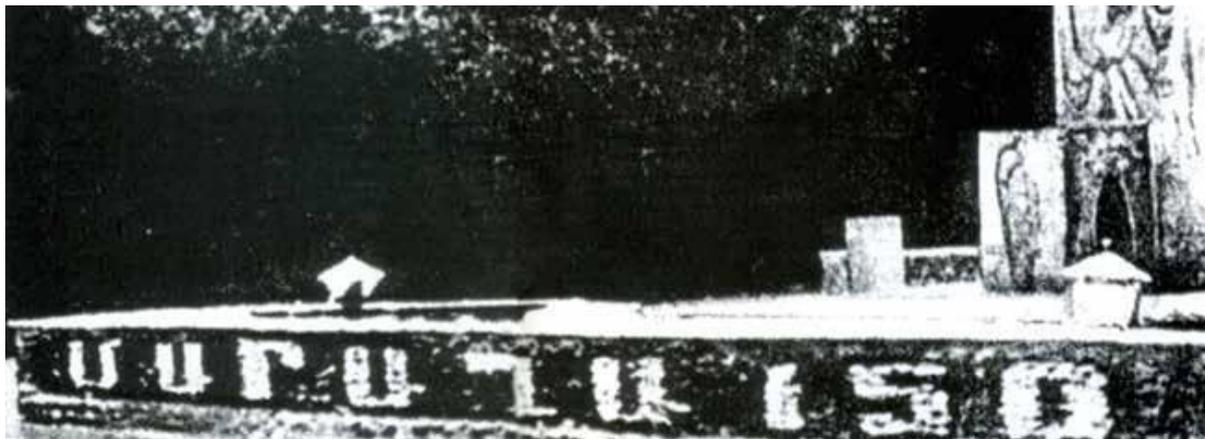
Переселение армян в Закавказье в 1829-1831 гг. в трудах российских военных историков второй трети XIX – начала XX столетия.

В первой трети XIX века, с переходом Закавказья под власть Российской империи началось организованное массовое переселение в этот регион армян из соседних стран. Армяне, переселявшиеся из Персии в российские владения в Закавказье, были ограничены в выборе нового места жительства территориями бывших Эриванского и Нахчыванского ханств. **На землях этих ханств, присоединенных к России по Туркманчайскому мирному договору, Высочайшим указом императора Николая I от 21 марта 1828 года была образована Армянская область, призванная стать буферной зоной между православной Грузией и мусульманским Востоком.** Армяне традиционно жили в Эривани, Нахчыване и Ордубаде, занимаясь ремеслом и торговлей, но не составляя там ранее этнического большинства. По подсчетам В.Н.Григорьева и И.И.Шопена, **до начала массовой иммиграции армян численность населения двух ханств, а впоследствии – области составляла около 100 тысяч человек, а если быть точным - 99411 чел., из которых мусульман 74 260, а армян - 25 151.**

В 1830 году из Персии в Эриванскую провинцию Армянской области переселилось 23 568 «душ армян обоего полу», в Нахчыванскую провинцию – 10652 человек, в Ордубадский округ – 1340, что в общей сложности составило 35560 человек [7, с. 636-637]. В результате **число армян возросло более чем в два раза, и общее число их сравнилось с коренным азербайджанским населением, а сама область наконец-то стала оправдывать данное ей Николаем I название.** Особенно сильно при этом изменился состав городского населения: так, в 1831 году в Нахчыване числилось 2791 семейство мусульман – кенгерлинцев и курдов и 2719 семейств армян, из которых толь 434 были местными, а 2285 – переселенными из Персии [1, с. 31].

Переселение армян из Персии сопровождалось целым рядом эксцессов, самым громким из которых стала предыстория гибели в Тегеране российского посольства во главе со статским советником А.С.Грибоедовым, известным литератором и композитором. Причиной убийства толпой иранцев русского посланника стало пикантное обстоятельство, напрямую связанное с переселением христиан из Персии в соответствии с условиями Туркманчайского мирного договора. В помещении российской миссии укрылись две наложницы-грузинки из гарема персидского шаха Фетх-Алишаха и привезший их туда Мирза-Якуб, армянин по национальности,

являвшийся казначеем и главным евнухом гарема, который требовал свободного переезда в Армянскую область. Очевидно, что эти люди могли рассказать много нелицеприятного про жизнь шахского двора, а поэтому их переезда в российские владения правитель Персии не мог допустить. В личном разговоре с шахом А.С.Грибоедов отказался выдать этих людей, после чего 30 января 1829 года российская дипломатическая миссия была перебита экзальтированной толпой: 37 сотрудников и конвойных казаков стали первыми жертвами политики репатриации армян в Закавказье с территории современного Ирана.

Памятник в память 150-летия переселения армян в Карабах в селе Марагашен-Ленинаван Мардакертско-Агдаринского района. Открыт в 1978 г., перестроен армянскими сепаратистами в 1988 г. Фото 1978 г.

В отличие от спонтанного и весьма неорганизованного переселения армян из Персии в Закавказье, аналогичные действия штаба Отдельного Кавказского корпуса в отношении греков и армян - османских подданных носили характер целенаправленной миграционной политики, являвшейся частью реализации планов расширения российской военно-политической экспансии в этой части Передней Азии. Граф И.Ф.Паскевич-Эриванский накануне военной кампании в июне 1829 года в депеше на имя министра иностранных дел Российской империи графа К.В.Нессельроде писал, что стратегической целью на очередной год войны является отторжение от Турции Карского пашалыка как местности с благоприятным климатом, пригодной к развитию сельского хозяйства, размещению войск и баз их снабжения, а также заселение этих земель выходцами из Османской империи христианского вероисповедания. Верховная российская власть, имевшая самое смутное представление о реальном положении дел в Закавказье, с недоверием воспринимала саму возможность переноса границы столь далеко вглубь османских владений, а поэтому предполагала при будущем подписании мира

ограничиться присоединением Ахалцихского пашалыка с крепостью Ахалкалаки, а выведенных из Турции под прикрытием войск греков и армян разместить в Имеретии. И.Ф.Паскевич категорически возражал против этого, справедливо указывая, что Имеретия является забытым Богом краем, и будут «нужны многие годы, чтобы трудолюбие человека расчистило вековые леса, осушило болота и, проникнув в места доселе непроходимые, обратило их в сады и цветущие нивы», и добавлял: «...переселять жителей из благословенного климата Турции в места, известные своим убийственным влиянием на здоровье, значило бы подвергнуть их неизбежной гибели» [5, с. 437].

Итак, как мы видим, пока Петербург и Тифлис искали взаимопонимания в вопросе определения пределов расширения русского военного влияния в Закавказье, **вопрос о выводе греков и армян, живших в турецкой Анатолии, из-под османского владычества и передачи их в подданство Российской империи воспринимался как сам собой разумеющийся. Практической реализации этого проекта придавалось особое значение не только с религиозно-политической точки зрения, но и в силу его стратегической военно-хозяйственной значимости.** Как метко подметил В.А.Потто, репатриация греков и армян в Россию нанесла бы существенный урон оборонному потенциалу азиатских вилайетов Турции: анатолийские греки являлись единственными рудокопами на казенных медных и серебряных рудниках Гюмиш-Хане в Байбуртском пашалыке Османской империи, и без рабочих рук эти копи становились мертвым грузом в руках султанской казны, а с переселением армян рушилось все вотчинное землевладение турецких агаларов и тимаров, из числа которых в военное время набирались спаги и акынджи – поместная конница, поскольку армяне в основной своей массе в их хозяйствах являлись райи – барщинными крестьянами или батраками [5, с. 452-453]. Таким образом, военная кампания 1829 года в Азиатской Турции велась русскими войсками не только за овладение стратегически выгодными рубежами или территориями, но и за рабочие руки, которые бы стали эти земли осваивать в соответствии с планами российских властей. А поэтому подготовка репатриации армян и греков получила централизованную организационную основу и была поставлена на широкую ногу.

По сведениям В.А.Потто, еще в 1828 году граф И.Ф.Паскевич-Эриванский распорядился учредить в Тифлисе Особый комитет по переселению в структуре канцелярии главноуправляющего гражданской частью штаба Отдельного Кавказского корпуса, на который была возложена разработка планов по организации иммиграционной политики [4, с. 317]. Следует

отметить, что этот глава российской администрации на Кавказе крайне отрицательно относился к переселению турецких армян и греков в Закавказье в военное время по двум причинам: с одной стороны, это обезлюдило бы край, и действующие войска Отдельного Кавказского корпуса остались бы без продовольственного снабжения, которое им обеспечивало армянское население турецких вилайетов; с другой стороны, переселение армян сразу бы продемонстрировало туркам нежелание русских удерживать захваченные пашалыки, что могло неблагоприятно сказаться на атмосфере будущих мирных переговоров: османы поймут, **что целью войны для русских в Закавказье является не захват территорий, а овладение их людскими ресурсами** [4, с. 311]. Поэтому И.Ф.Паскевич предлагал начать переселение только после заключения мира.

В.И. Мошков. Переселение 40000 армян из Персии в русские пределы под личным распоряжением полковника Лазарева в 1828 г. Гравюра. Первая половина 1830-х гг.

В целях рациональной организации иммиграции турецких армян в Закавказье Особый комитет по переселению разделил всех потенциальных мигрантов на три категории: как пишет В.А.Потто, к первой были отнесены люди, принадлежащие к торговому сословию, ко второй – мастеровые или занимающиеся какими-нибудь ремеслами и промыслами, а к третьей – хлебопашцы. Эти категории комитет имел в виду и при самом отводе земель для размещения переселенцев. Купцов и мастеровых предполагалось водворять в городах или там, где их торговля и ремесла могли обращаться с выгодой; поселян – в деревнях, на земле, удобной для хлебопашества и скотоводства. Заботливость чиновников переселенческого комитета об

армянах-репатриантах, отмечает В.А.Потто, простерлась до того, что они «старались принимать в соображение климатические условия их родины, и жителей горных стран селили на возвышенностях, а живших на плоскостях – в равнинах». Этой мерой они «желали сберечь переселенцев от смертности и предохранить их от разорения, неминуемо грозившего им с переменой занятий, которые не одни и те же в горах и на плоскости». Также особое внимание было обращено на то, чтобы «хлебопашцев водворять целыми селами, как они жили на родине, а при невозможности этого, по крайней мере, в ближайшем соседстве». При этом было приказано земли переселенцам отводить только казенные, и лишь в исключительных случаях – церковные или помещичьи [4, с. 317-318].

Первые две категории переселенцев также были обеспечены прекрасными стартовыми условиями на новом месте жительства, создаваемых за счет имущества Российской империи и ущемления интересов местного мусульманского населения. В.А.Потто пишет, что «для размещения ремесленников комитет указал многие казенные здания в Елисаветполе (Гяндже – О.К.) и в других городах, которые с небольшими приспособлениями легко могли обратиться в магазины или мастерские, а для поддержания самих ремесел разрешено было отпустить переселенцам из доходов Ширванской области до полутора пудов шелка и до тысячи пудов хлопчатой бумаги». Иными словами, российская администрация на Кавказе безвозмездно обеспечила переселенных армянских торговцев и ремесленников всем необходимым, поставив их тем самым в максимально благоприятные конкурентные условия в сравнении с коренным населением, традиционному хозяйству которых тем самым был нанесен ущерб.

Также следует обратить внимание на соци- ально-политический аспект иммиграции армян в Закавказье из Турции и Персии. В результате переселения большинство армян резко повысили свой

сословноимущественный статус: из османского сословия райя они превращались в государственных крестьян и приравнялись по объему обязанностей к «кавказским туземным жителям», освобожден- ным от многих феодальных повинностей, в первую очередь от рекрутского набора в армию, а впослед- ствии – воинской повинности. В итоге в Российской империи сложились две категории христиан: пра- вославные, в основной своей массе являвшиеся крепостными крестьянами, несшие все феодальные повинности, и армяно-григориане, обремененные лишь денежным оброком. По сути, **армяне в Закав- казье в одночасье приобрели сословные права и привилегии, сопоставимые со статусом сосло- вия однодворцев – землевладельцев, свободных от государственной службы, что поставило их в исключительное положение по сравнению не только с мусульманским населением Закавказья, но и в сравнении с преимущественно русским по национальной принадлежности крестьянством Европейской России.**

Есть еще одно обстоятельство, на которое следует обратить особое внимание. Армяне из Османской империи в Закавказье переселялись частично вооруженными. В.А. Потто пишет: «...армяне турецкие, и в Карсе и в Баязете, охотно шли в ополчение и формировали в помощь русским войскам и конные, и пешие дружины. Многие отказывались даже от жалования и служили на собственном иждивении. В Баязете некто из почетных армян, некто Мелик Мартирос, сам предложил сформировать целый батальон армян в пятьсот человек без всякой платы и содержания, лишь бы правительство отпустило триста ружей вдобавок к тем двумстам, которые у него уже были. Ружья были отпущены, и когда батальон был сформирован в течение нескольких дней, Паскевич приказал назначить Мартироса его командиром»

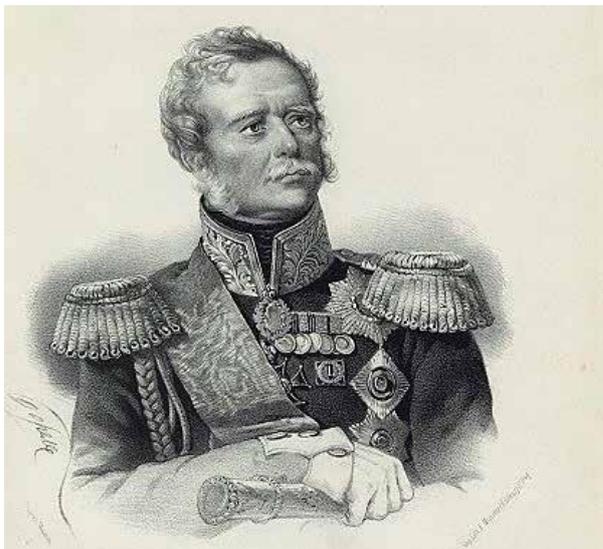
[4, С. 175]. Этот факт интересен нам не как свидетельство коллаборационизма турецких армян в пользу войск Отдельного Кавказского корпуса, и даже не как доказательства их преступной деятельности в

отношении Турции в то время (райи – немусульманское податное население, – к числу которых относились и все армяне, в Османской империи не могли по закону иметь оружие). Дело в том, что при переселении в российские владения в Закавказье армяне сохраняли на руках оружие, с которым они пришли на русскую службу, и в арсеналы сдавали только то, которое им выдавалось на время войны от казны. Все остальное оружие, главным образом турецкое, они сохранили на руках, и с ним иммигрировали в Россию, где могли отстаивать свои интересы перед местными жителями не только силой закона, но и посредством вооруженного принуждения.

Итак, как было сказано выше, первую волну репатриантов составили армяне Эрзерумского и Байбуртского пашалыков, избравшие для своего жительства земли Ахалцихского пашалыка, отошедшие по Адрианопольскому мирному договору к России, поскольку, как пишет В.А.Потто, «климат и местность его ближе подходили к их родине». Здесь к 1831 году осели на жительство до 35 тысяч бывших турецких армян, полностью вытеснивших из этой местности коренное лазское население, изгнанное отсюда российскими войсками в ходе боевых действий. Аналогичная судьба постигла и лазское население Памбакской дистанции – административной единицы Закавказья, вошедшей в состав Российской империи по Гюлистанскому мирному договору 1813 года, и одноименной долины, на которой располагался город Гумры (Гюмри – О.К.), где осенью 1829 года поселилось 500 семей армян из Эрзерума и 400 – из Карса, а год спустя – еще 2000 армянских семей из Эрзерума. Тогда же армянами была заселена Лорийская котловина, а также склоны горы Алагез, где, как указывает В.А.Потто, «много было пустых деревень, покинутых жителями еще с последнего персидского вторжения» (имеется в виду 1826 г. – О.К.) [5, с. 453-454]. Таким образом, именно в **1830** году армянские переселенцы из Эрзерума и Байбурта впервые осели на землях, принадлежавших до этого лазам, на территории которых располагались исторические области – Памбаки и Шурагель, сегодня входящие в состав Армении.

Вторую волну армянских переселенцев в российское Закавказье составляли выходцы из Карса и Баязета, приграничных вилайетов османской Турции. Их путь также лежал через Памбаки и Шурагель напрямиком в Борчалы и Карабах, а оттуда – в вышеупомянутую «Армянскую область». По свидетельству В.А.Потто, их путь пролегал «по таким местам, где сидело сплошное армянское население» [5, с. 455]. **В землях Армянской области иммигранты-армяне из Оттоманской Порты были поселены следующим образом: в Эриванской провинции – 21639 человек, в окрестностях Нахичевани – 27 человек, вследствие чего численность исконного**

азербайджанского и пришлого армянского населения этой административной единицы Российской империи сравнялись между собой [7, С. 637-638].

Несмотря на все планы и приготовления Особого комитета по переселению канцелярии главноуправляющего гражданской частью штаба Отдельного Кавказского корпуса и лично его главнокомандующего генералфельдмаршала графа И.Ф.ПаскевичаЭриванского, исход армян из Турции в области российского Закавказья сопровождался не только

значительным числом физических, финансовых, административных и политических, но еще и юридических проблем, которые приходилось решать непосредственно в процессе реализации этого грандиозного по масштабам того времени проекта. В особенно бедственном положении оказались армяне-хлебопашцы, поселенные в окрестностях Ахалциха буквально «в никуда». В.А.Потто в нескольких фразах описывает эту ситуацию так: *«...Ахалцихский паишалык в продолжение войны обезлюдел, и поэтому оставшиеся земли после турок, бежавших за границу, как пустопорожние места стали считаться казенными. Их-то и отвели теперь переселенцам. Но едва на этих землях водворились армяне, как из-за границы начали возвращаться прежние владельцы, чтобы, пользуясь правом мирного трактата, продать их в чужие руки и опять удалиться в Турцию. Мусульмане продавали свои земли только мусульманам, и покупщики приобретали их за ничтожную цену. Из этого вышло то, что более 1600 семей неожиданно очутились на земле частных владельцев и лишились всех дарованных им преимуществ. Новые помещики потребовали от них деньги за пользование землею и стали их взysкивать при помощи земской полиции, которая не могла отказать им в этом законном требовании. В результате вышла путаница, вредная и казне, и переселенцам, пришлось скупать все частные земли, на которые переселились армяне, платя владельцам уже двойную сумму, или переселять армян с место на место» [5, С. 455]. Спекуляции с, казалось бы, «ничейной» землей увеличили стоимость проекта переселения армян в Закавказье в несколько раз, сведя в итоге на нет все экономические выгоды для*

Российской империи, которые он первоначально сулил. Именно поэтому в 1834 году была создана комиссия барона П.В. фон Гана, которой предстояло разработать «Положение об управлении Закавказским краем», призванное поставить армян в один общий ряд с иными подданными Российской империи.

Социально-политические последствия переселения армян в Закавказье для исконных жителей этого региона по-военному четко и кратко охарактеризовал М.Д.Лихутин, в силу своего служебного положения и воспитания симпатизировавший армянам, что не помешало ему предельно конкретно охарактеризовать положение дел в областях, куда были переселены представители этого народа к началу Восточной (Крымской) войны 1853-1856 гг. Он писал: *«Армяне скоро пристали к русским, выучились русскому языку, воспитываются в русских школах и поступают на русскую службу, в которой они по правам своего образования тотчас пользуются всеми преимуществами, присвоенными высшему сословию. Большая часть чиновников Эриванской губернии была из армян... Без сомнения надо допустить и то, что чиновник-армянин не мог в короткое время освободиться от чувства неприязни и даже мщениия своего народа к своим прежним притеснителям, и эти чувства невольно могли выражаться в новом его положении, при выполнении на месте правительственных обязанностей своего нового звания – русского чиновника; надо допустить, что в некоторых случаях он был пристрастен в пользу своего брата армянина и во вред мусульманина, что по его тайному убеждению или по чувствам, это было справедливо и законно»* [2, с. 2-3].

Если пересказать эту цитату современным языком, то получается, что второе поколение армян, переселенных в российское Закавказье из Турции и Персии в 1828-1831 гг., при поддержке и попустительстве русских властей смогло монополизировать власть на местах и тем самым подчинить себе в административном отношении мусульманское население. Армяне, опираясь на русское оружие, буквально через четверть века после своего переселения стали доминирующей этнической группой в регионе и впоследствии стали претендовать на собственную автохтонность для Южного Кавказа, как это задолго до них сделали иудеи в отношении Палестины, хотя сами являлись выходцами из Египта.

Литература

1. [Григорьев В.Н.] Статистическое описание Нахичеванской провинции, составленное В.Г. – СПб: Тип. Департамента внешней торговли, 1833.
2. Лихутин М.Д. Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 годах. Из записок о военных действиях Эриванского отряда. – СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1863.
3. Под стягом России: Сборник архивных документов. М.: Русская книга, 1992.
4. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: В 5-ти тт. – Т.
4. Турецкая война 1828-1829 годов. – М.: Центрполиграф, 2006.
5. Утверждение русского владычества на Кавказе: К столетию присоединения Грузии к России: В 5-ти тт. / Под ред. Н.Н.Белявского и В.А.Потто. – Тифлис: Тип. Штаба Кавказского военного округа, 1901-1908.
6. Ушаков Н.И. История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах: В 2 ч. Санкт-Петербург: Тип. Э. Праца и К°, 1836.
7. Шопен И.И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1852.

Источник: [журнал "Наследие" 6 \(60\), 2012](#)